

5-2 ИЮН 1980

Советский флот
гор. Москва

После гастролей театра
Северного флота в Москве

В духе добрых реалистических традиций

Побывавший в гостях у москвичей Драматический театр Северного флота показал столичному зрителю лучшие свои спектакли. Среди них и те, что бережно сохраняются годы и составляют золотой репертуарный фонд театра, и те, что осуществлялись в самое последнее время и выражают сегодняшние думы, искания и устремления коллектива. Здесь в драматический расказ о суровых буднях войны Отечественной — «Люди, которых я видел» С. Смирнова и «Барабанщица» А. Саянского, и произведения, рисующие наш сегодняшний день, — «Якорная площадь» И. Штока и «Иркутская история» А. Арбузова.

Не исключено, что кое-кто упрекает театр, что вот, мол, он не привез в столицу ничего «своего», не «открылся» москвичам ни новых писательских имен, ни новых драматических произведений. Что же, упрек вполне справедливый, но только при том условии, если театр располагает реальными возможностями совершить подобные «открытия». Привезли же в столицу, равно как и показывают своему постоянному зрителю, хоть плохоньков, художественно малокровное, лишь бы свое, право же, это не будет открытием, и это не заслуга серьезного, думающего коллектива, а именно такового предстал перед нами театр Северного флота. Вот почему репертуар его заслуживает в гораздо

большой степени слов одобрения, чем слов упрека.

За исключением постановки «Якорной площади», осуществленной режиссером Б. Гутниковым, все показанные в Москве спектакли поставлены главным режиссером театра И. Шойкетом. И все пять спектаклей поставлены в духе самых добрых реалистических традиций.

Конечно, всякие моды дадут себя знать и здесь. И в «Барабанщице» театр провагитирует на киноэкране силуэты тех людей, которые являлись Ниле Синижи в ее думах и воспоминаниях, и в финале спектакля бойцы обнимают голову на над еще трепетным телом Нилы, а над ее напевом изваянным надгробием. И в «Якорной площади» театр для изображения погибшего Валерия использует так называемые наплывы. Но если в первом случае — силуэты на киноэкране, пожалуй, и не отнесешь к данни моде (нет, театром найден прием, органичный всей природе спектакля), то в двух других случаях мы встречаемся действительно с данью моде, и это отнюдь не украшает спектакли.

Но вот о чем нельзя не сказать самым добрым слов. Работая над «Иркутской историей», театр не только сумел органично, естественно влить хор в ход жизни и действия героев спектакля, но и путем осторожных, незаметных на первый взгляд усвоений текста добился того, что и сопроводительные реплики хора и самокомментарии героев стали звучать неаппаратно и ненавязчиво. Хочется только пожелать участникам хора большей глубины философских раздумий, большей внутренней раскрепощенности.

Обогащение и расширение изобразительных средств театра — процесс живой, естественный, плодотворный. Но только в том случае, если не ущемляется и не убавляется в театре главное — душевное потрясение. Ради этого потрясения века существует театр. Его в состоянии дать лишь актер, непосредственно воздействующий на зрителя со сцены. Свет, музыка, шум, декорации — все это помощники актера. Необходимые, полезные, но только помощники.

Режиссеры театра Северного флота чутки и авторской индивидуальности, к художественному своеобразию пьес, воплощаемых ими на сцене. Пьесу Вишневого они играют в одном ключе, в одной манере, пьесу Смирнова — в иной, ключевую и в иной манере, пьесу Арбузова — совсем иначе, нежели пьесы Вишневого и Смирнова, и т. д. Но во всех пяти спектаклях ведущее место, решающая роль принадлежит актеру. Это не значит, что все актерские работы здесь одинаково удачны и одинаково впечатляющи. Но это свидетельствует о том, что режиссура верно и глубоко понимает самое существо природы театра, «сохраняет» его эмоционального воздействия на зрителя, и это дело нам возмозможность и радость встретиться с рядом интересных, своеобразных и ярких художников сцены, познакомиться со многими жизненно достоверными и художественно убедительными сценическими образами.

Мы познакомимся с обаятельной, живущей богатой внутренней жизнью и предельно сдержанной во внешнем проявлении своих чувств Нилой Синижи — В. Яценевой, с подлинно человеческой и по-матерински мудрой Марией Игнатьевой —

Г. Юмашевой («Барабанщица»). Мы познакомимся с очень своеобразной, избалованной и наугаваемой, душевно щедрой и отзывчивой Веллей — В. Бояринцевой («Иркутская история»). Мы познакомимся с мужественной и сердечной Анной Петровой — Е. Сергеевой («Якорная площадь»).

Познакомились со многими интересными актерами, со многими талантливо раскрытыми образами. Всех даже не упомянешь, не перечислишь. Но на некоторых ведущих мастерах этого театра, являющих нам разнообразие воплощенных ими человеческих характеров, столь не сложных, сколь с другим, хочется остановиться особо.

В четырех спектаклях зрителю довелось встретиться с А. Найчуком. Страстный и порывистый, жадно ищущий правду и так неуменно тоскующий по ней, на наших глазах мужской душой Алексей («Оптимистическая трагедия»). Лихой и отзывчивый, не сгибающийся ни перед трудностью, ни перед бедой, характер поистине героический — капитан Грозов («Люди, которых я видел»). Человек, нелегким путем обретающий право называться этим гордым словом — Человек, ломающий себя, герою своему становящийся на горло, — Виктор Бойцов («Иркутская история»). Сдержанный и волевой, человеческий и все понимающий коммунист, политработник, партизан Митрофанов («Барабанщица»). Да, знакомство с таким актером радостно! Хочется только пожелать А. Найчуку еще большего проникновения в самые глубины человеческого характера, в скрытые мотивы поведения, поступков воплощаемых им людей, отказа от какою бы то ни было подчинения художественным образам своей собственной личности, своим пусть даже превосходным актерским данностям.

Разнообразие человеческих характеров явил и С. Простяков — сдержанный, умудренный огромным жизненным опытом Сердюк («Иркутская история»), титный и изворотливый, лицемерный и породистый, наглый и трусливый Вошня («Оптимистическая трагедия»), умный и волевой враг — фашистский генерал Крафт («Люди, которых я видел»). И не только Простяков, не и А. Фролов, воплотивший такие не сходные между собой образы, как старый сапер («Люди, которых я видел») и коммунист-политработник капитан Бондарь («Якорная площадь»); Г. Грозов — Вайнона в «Оптимистической трагедии» и Крупин в спектакле «Люди, которых я видел»; К. Липатов, М. Мещеряков, В. Затеякина, Н. Новиков и многие другие...

Московские гастроли — это не только честь (она заслужена), но только жажда (он выдержан успешно), это и зарядка на будущее... Что же пожелать театру, прожившему уже или еще только четверть века! Постоянной верности добрым реалистическим традициям русского советского театра, смелых творческих поисков, не имеющих ничего общего с ветеранскими быстропроходящей моды, еще большей глубины и еще большей художественной силы в раскрытии современности и образа современника. И нет сомнений в том, что новая встреча москвичей с театром Северного флота произойдет отнюдь не в связи с его пятидесятилетием, а намного-намного раньше.

Юр. ЗУБКОВ.